

АНТИРЕЛИГИОЗНАЯ СОСТАВЛЯЮЩАЯ ПРИ СОЗДАНИИ МУЗЕЕВ ВО ВЛАДИМИРСКОЙ ГУБЕРНИИ В 1918-1925 гг.

AN ANTIRELIGIOUS COMPONENT OF VLADIMIR PROVINCE MUSEUMS FORMATION IN 1918-1925

O. Kalyuzhnaya

Annotation

The article examines the Vladimir province museums creation process in first postrevolutionary years and the organization of Church departments as parts of these museums. It gives the periodical press review regarding to the antireligious museum building, mentions the problem of the Vladimir renovationist clergy response to the museumification process of churches and church property.

Keywords: orthodox christianity, museum, antireligious, church, atheism, the confiscation of the Church property, relics, temple.

Калюжная Ольга Васильевна

Аспирант Гуманитарного института,
Владимирского государственного
университета им. А.Г. и Н.Г. Столетовых

Аннотация

В статье рассматривается процесс создания музеев во Владимирской губернии в первые послереволюционные годы, а также организация в них церковных отделов. Дается обзор периодической печати по теме антирелигиозного музейного строительства. Рассматривается реакция на музеефикацию храмов и церковных ценностей со стороны духовенства Владимирской обновленческой епархии.

Ключевые слова:

Православие, музей, антирелигиозный, церковный, атеизм, изъятие церковных ценностей, мощи, храм.

В соответствии с документами первых революционных лет, регламентирующими передачу государству всех художественных ценностей, а также культовых зданий, "имеющих историческое, художественное или археологическое значение" [10, л. 18], сразу после образования в 1918 г. Губернской коллегии по делам музеев и охране памятников искусства и старины, а также с назначением на должность директора А.И. Иванова (1890–1976) во Владимирском регионе началась активная деятельность по созданию музейной сети и развитию музейного дела. С декабря 1918 г. музейные коллегии возникают во всех уездах. Уже к концу 1919 г. музейные подотделы существовали во всех уездных городах губернии, за исключением Александрова, Гороховца, Покрова и Коврова, где были назначены агенты. Музейным органам удалось взять под охрану государства 5 богатых художественных собраний в городских особняках и 12 крупнейших усадеб с общим количеством заключающихся в них предметов до 4000. Значительная часть вещей была немедленно вывезена в музейные хранилища [15, с. 5].

28 марта 1920 г. в местной "Районной газете" было опубликовано постановление губисполкома, по которому все владельцы художественно-исторических предметов обязывались представить в Губернский Подотдел по де-

лам музеев сведения о принадлежащих им памятниках искусства и старины. С этого момента охранная деятельность музеев вступила на путь более тщательного и более длительного обследования. В поле зрения теперь оказались не только учреждения, но и частные лица, а также монастыри и храмы. На последние было обращено особое внимание, так как хранящиеся в них художественно-исторические предметы в большей части своей представляют исключительную ценность. Характерно, что через несколько лет взятые на учет храмы стали считаться отделениями музея [6, л. 70], тогда же и ответственность за их сохранность и поддержание в надлежащем виде была возложена на сотрудников музея [19, с. 304].

Происходившие в первые послереволюционные годы события трудно оценить однозначно. С одной стороны, было узаконено принудительное изъятие ценных в художественном отношении зданий и предметов, с другой – благодаря аккумуляции многих культовых сооружений и предметов церковного имущества в руках Губмузея они были спасены от уничтожения [4, с. 33]. С каждым годом число экспонатов и сооружений, находящихся в ведении музея, росло. Кроме того, была развернута организация музеев по всей губернии, а также обследование и постановка на учет архитектурных памятников и художественных ценностей.

В условиях гражданской войны и при почти полном отсутствии транспортных и денежных средств работа в данном направлении требовала исключительной напряженности [18, с. 193] и во многом держалась на личном энтузиазме сотрудников. История и опыт работы всех музеев Владимирской губернии подробно изложены в брошюре 1926 г. "Музейное дело во Владимирской губернии за время революции" – на редкость информативном источнике, сохранившемся в фондах Владимирской областной научной библиотеки. Оттуда мы узнаем, что Владимирская губерния в области музейного строительства среди других губерний занимала одно из первых мест, и что за время революции в регионе появилась целая сеть новых музеев (всего – 12), которые расширялись довольно быстрыми темпами.

Много помогла делу учета памятников кампания изъятия, так как в процессе работы музейным сотрудникам удалось зарегистрировать целый ряд новых предметов высокой музейной ценности и обогатить музеи новыми поступлениями. Опираясь на архивные данные, можно сделать вывод о том, что во время изъятий ценных предметов или объектов часто присутствовал представитель губмузея, выделявший вещи, имевшие художественно-историческое значение [7, л. 222]. К концу 1922 г. на учете музейных органов Владимирской губернии состояло 60 памятников культуры (из них 50 – церковных и 7 – гражданских) [8, л. 24] и более 12000 экспонатов (из них почти 7000 были взяты на учет в период с 1918 по 1922 гг.).

Характерно, что самое большое число художественных ценностей (3851 экспонат) поступило в Губмузей в 1921 году в результате деятельности комиссии по изъятию церковных ценностей во время голода в Поволжье [15, с. 8]. Именно в это время фонды пополнились большим количеством экспонатов из церквей и монастырей. Все то, что имело "музейную" ценность (иконы, книги, утварь, ювелирные изделия), работники Владимирского губмузея пытались спасти от реализации или сдачи в финансовые органы [1, с. 113]. Параллельно этому процессу происходило изъятие мощей из храмов и монастырей. Вопреки расхожему мнению и опыту соседних регионов о превращении самого процесса изъятия в некое антирелигиозное действие, изучение документов ГАРФ и ГАВО относительно этих мероприятий во Владимирской губернии и ее уездах позволяет сделать выводы о том, что в подавляющем большинстве случаев этот процесс не встречал серьезного сопротивления со стороны населения [12, л. 75]. В ежемесячном отчете губкома в ЦК РКП (б) с грифом "совершенно секретно" за май 1922 года читаем: "Изъятие ценностей прошло как-будто бы незамеченным, хотя у нас народ религиозный и множество попов. Работа по изъятию заканчивается" [19, л. 26].

Здесь также интересен конформистский подход к проблеме изъятия ценностей и ликвидации мощей вла-

дмирских представителей группы "Живая церковь" (обновленцев), отраженный в резолюциях Владимирского губернского съезда духовенства и мирян, проходившего весной 1923 года. Повестка съезда содержит три вопроса: "Что такое мощи в православной церкви и откуда они взялись", "Нужно ли хранить в церквах: серебро, золото, когда ужасы голода еще не изжиты", "Как спасти храмы от гибели, имеющие историческое значение".

По каждому из них вынесены следующие решения:

- ◆ о мощах: "Учитывая то обстоятельство, что во Владимирской епархии мощи почти исключительно находятся в тех храмах, которые, как памятники прошлого, предназначены, в виду их исторического значения, к передаче вместе с мощами в ведение Главмузея, Владимирский Епархиальный съезд постановляет: изъять мощи из мест их нынешнего нахождения и для предотвращения в дальнейшем злоупотреблений, связанных с неправильным взглядом на почитание останков святых, передать их для хранения, но не для поклонения (именно так! – О.К.), во Владимирский Кафедральный Успенский Собор, как древнейший исторический памятник нашей церковной жизни" [27, с. 9];

- ◆ о передаче церковных зданий, исторических ценностей в Главмузей: "Чтобы сохранить достойное звание священного сана пастырей православного культа и уничтожить профессиональность взгляда на священный сан, что достижимо путем сокращения приходов и в зависимости от этого улучшения материального положения причтов, в первую очередь закрыть храмы историко-художественного и художественного значения через местную власть и срочно передать их в ведение Главмузея как памятники исторического прошлого" [27, с. 10];

- ◆ о дополнительном изъятии церковных ценностей: "провести и заменить имеющиеся золотые и серебряные вещи малоценными" [27, с. 11].

Все резолюции были приняты подавляющим большинством голосов. На этом фоне особенно значимой представляется деятельность по организации музеев антирелигиозной направленности. Ведь они создавались как орудие распространения атеистических взглядов и существовали во Владимирской губернии наряду с другими массовыми формами антирелигиозной пропаганды того времени: периодической печатью, плакатом, агитпоездами [11, л. 8], агитпоездами [16, с. 1], диспутами и лекциями. Большая роль в атеистическом воспитании трудящихся принадлежала антирелигиозным отделам в музеях Владимира, Александрова, Муром, Коврова, Вязников, Юрьев-Польского, Кольчугина, Киржача [13, с. 30].

Чтобы оценить значение создания подобных музеев (часто они открывались в культовых зданиях), нужно представить общую обстановку того времени и условия, в которых они создавались. Значительное количество отрывочных, но интересных сведений можно встретить в

периодических изданиях. В целом, печать 1920-х гг. позволяет вычлениить идеологическую подоплеку такой работы, а в некоторых случаях даже уточнить время создания или упразднения антирелигиозных музеев. Надо сказать, что одно из первых упоминаний о необходимости организации "музея-выставки по религиозному вопросу" встречается в центральной прессе уже в 1920 г. [4, с. 43]. Местная пресса – газета "Призыв", журналы "Агитатор-пропагандист", "Наше хозяйство" – начинают сообщать об открытии музеев в губернии или проведении в них каких-либо мероприятий примерно с середины 1923 г. В этом же году были закрыты Владимирский Успенский кафедральный и Дмитриевский соборы и переданы в ведение музея как исторические памятники [17, с. 10]. Спустя полгода после этих событий выходит заметка "У святых мощей", в которой рассказывается о посещении Успенского собора делегатками Губернской конференции работниц и крестьянок и их эмоциональной реакции на "вековой обман" [26, с. 3]. Любопытна публикация "Кирпичи – все на школу", в которой говорится о необходимости устройства музея [17, с. 3], информативная статья о функционировании музея в Александрове "Музей эпохи опричнины" [21, с. 3], а также серия заметок о Губмузее, в которой, например, рассказывается о краже из губмузея [5, с. 6] и даже о визите туда иностранцев.

По данным на конец 1925 г., главным антирелигиозным музеем губернии являлся "Церковный музей", расположенный в Успенском соборе. Он являлся одним из пяти отделений владимирского губмузея, но по богатству и ценности экспонатов считался его лучшим отделом. Реликвии в этот музей поступили из церковных древностей бывшего древлехрамнища при Братстве Александра Невского, ризниц Успенского и Дмитриевского соборов и ризниц Суздальского Спасо-Евфимиева монастыря и Флорищевой пустыни. В музее было зарегистрировано пять разновидностей экспонатов: церковная живопись, церковная пластика, церковное шитье, парча и ткани, церковная утварь и церковные металлические изделия общей численностью 2490 предметов.

Суздальский историко-художественный и краевой музей имел "отдел церковной старины", в котором экспонировался 531 предмет, среди них "иконопись XVI–XIX вв., церковные облачения XVIII–XIX вв., церковная утварь серебряная и оловянная, шитье XVII–XIX вв." [15, с. 20].

В Александровском государственном музее "Александровской слободы", расположенном в "2-х комнатах большого корпуса" бывшего Успенского монастыря, имелся отдел под названием "Памятники церковного убранства и церковной археологии", среди которых наиболее ценными экспонатами были Новгородские и Тверские двери XIV и XV вв., художественное серебро XVII в., шитье и ткани XVI в. и иконы с пробной расчисткой XV в. (три Рублевские) [15, с. 22]. Всего отдел имеет 349 предметов.

Вязниковский отдел четко выделенного церковного, или правильнее будет сказать антицерковного, отдела не имел. Имеющиеся иконы и картины с православными сюжетами – всего 200 экспонатов – были выделены в отдел "древней живописи".

Киржачский историко-бытовой музей имел два отдела. В одном из них, отделе церковного искусства, были "сосредоточены иконы XIV–XVII вв., серебряные изделия XV–XIX и др." – всего 206 предметов [15, с. 22].

Юрьевский художественно-исторический и бытовой музей, расположившийся в здании бывшего Архангельского монастыря XVII в., в одном из своих четырех отделов – культурно-историческом – собрал предметы религиозного культа численностью 190 экспонатов.

Не мог не иметь подобного отдела и Переяславский историко-художественный и краеведческий музей, поскольку он располагался в здании бывшего Горницкого монастыря [13, с. 30].

А вот основанный в 1923 г. в здании бывшего Богоявленского собора в погосте Мстера Мстерский музей церковных древностей был специализированным. По описанию современников, "в музей был превращен древний Богоявленский храм со всеми находящимися в нем предметами церковной старины XV–XVII вв. Часть экспонатов оставлена на местах исконного их нахождения, другая же часть размещена в шкафах и витринах под стеклами, количество последних доходит до 150" [15, с. 23].

В Муромском музее даже "был организован особый подотдел – агитационный, куда были привезены так называемые "мощи" местных святых, "чудотворные" кресты с "мощами пророка Даниила" и частями "жезла Ааронава". Весь этот материал давал хорошую иллюстрацию благочестивых фокусов и позволял устраивать целые диспуты на эту тему" [15, с. 23]. Число экспонатов составило 613 единиц.

И только Меленковский музей не имел антирелигиозного отдела. Причина этого в том, что основание музея составляли материалы, главным образом, зоологического характера местной водной фауны.

Таким образом, во вновь созданных церковных отделах музеев и музеях антирелигиозной направленности количество экспонатов приблизилось к 5000, что было больше, чем количество экспонатов на момент создания в регионе в 1918 г. Губернской коллегии по делам музеев и охране памятников искусства и старины.

Можно говорить о том, что благодаря кропотливому и систематическому труду сотрудников музеев, вопрос о организации провинциальных музеев, поставленный в

начале 1920-х гг. на государственном уровне, был решен [19, с. 305]. Что же касается устройства во Владимирской губернии в 1918–1925 гг. антирелигиозных экспозиций, здесь мы приходим к заключению, что храмы и монастыри, утратившие свою функцию, продолжали существовать как музеи церковного быта и "музеи отживающего культа".

Это направление музейной деятельности в провинции было созвучно с идеей создания антирелигиозных экспозиций, озвученной самим Емельяном Ярославским [24, л. 4]. Правда, слово "антирелигиозный" не использовалось в период с 1918 по 1925 г. ни в названии подобных музеев, ни даже в отчетах губернской музейной организации, предназначенных для собственного пользования. Переименование музеев и их отделов [9, л. 217] и смена

вектора работы произойдет чуть позже [25, с. 26], во второй половине 1920-х гг., когда музеи "церковного быта" будут закрыты или перепрофилированы в собственно антирелигиозные музеи для борьбы с "церковной контрреволюцией" [2, с. 48]. Тогда же изменятся принципы музейной политики [14, с. 63], а сверху будет дана рекомендация "использовать все научные коллекции для материалистической и антирелигиозной пропаганды" [20, с. 80]. От цели всемерно приблизить научно-культурные сокровища к массам многие музеи перейдут к решению проблемы повышения уровня атеистического воспитания трудящихся любыми средствами [28, с. 34], и будут обязаны проводить антирелигиозную пропаганду в экспозиции, в экскурсиях, в индивидуальных консультациях и при организации тех или иных мероприятий [3, с. 118].

ЛИТЕРАТУРА

1. Аксенова А.И. История. Судьба. Музей. Владимир: Посад, 2001. 304 с.
2. Ануфриев А.В. Музейное дело и охрана культурных ценностей. Иркутск: Изд-во ИГУ, 2013. 197 с.
3. Бондарев С.В., Петров И.В. Из истории антирелигиозной музейной кампании: выставка "Самодержавие и церковь" в Церковном корпусе Большого петергофского дворца // Новейшая история России. 2014. № 2. С. 117–127.
4. Бондарчук В.Г. Анализ литературы о музеефикации российских культовых зданий // Музей в храме–памятнике. Материалы научно–практической конференции. СПб., 2005. С. 31–43.
5. В Губмузее // Призыв. 1924. 5 июля. С. 6.
6. Государственный архив Владимирской области (далее – ГАВО). Ф. Р–24. Оп. 1. Д. 1051. Л. 70.
7. ГАВО. Ф. Р–24. Оп. 1. Д. 390. Л. 222.
8. ГАВО. Ф. Р–1826. Оп. 1. Д. 57. Л. 24.
9. ГАВО. Ф. Р–24. Оп.1. Д. 743. Л. 217.
10. Государственный архив Российской Федерации (далее – ГАРФ). Ф. А 2307. Оп. 1. Д. 16–6. Л. 18.
11. ГАРФ. Ф. 130. Оп. 4. Д. 58. Л. 8.
12. ГАРФ. Ф. 130. Оп. 3. Д. 356. Л. 75.
13. Доклады Переяславль–Залесского научного общества. Выпуск № 13. Переяславль–Залесский: Изд-во Пезанпроб, 1925 г. 38 с.
14. Дунаевский Л.Р. Антирелигиозная пропаганда и музей. М.: Мысль, 1940. 190 с.
15. Иванов А.И. Музейное дело во Владимирской губернии за время революции. Владимир, 1926. 30 с.
16. Из агитпоезда // Призыв. 1921. 15 февраля. С. 1.
17. Кирпичи – все на школу // Призыв. 1924. 11 июня. С. 3.
18. Коноплева Р.Г. Архитектурно–строительная деятельность во Владимирской губернии первых послереволюционных лет // Материалы областной краеведческой конференции 18 апреля 2003 г. Владимир, 2004. С. 193–205.
19. Личак Н.А. Создание музейной системы во Владимирской губернии в начале 1920-х гг. // Ярославский педагогический вестник. 2015. № 5. С. 302–305.
20. Музей на соревновании // Наше хозяйство. 1929. №5–6. С. 80.
21. Музей эпохи опричнины // Призыв. 1924. 29 июня. С. 3.
22. Мухин А.Н. О проявлении религиозных пережитков в г. Владимире и путях их преодоления. Владимир, 1968. 28 с.
- 23.19. Российский государственный архив социально–политической истории (далее – РГАСПИ). Ф. 17. Оп. 33. Д. 186. Л. 26.
24. РГАСПИ. Ф. 89. Оп. 4. Ед.хр. 129. Л. 4.
25. Тимофеева Т.П. "Лежит в развалинах твой храм..." (О судьбах церковной архитектуры Владимирского края (1918–1939). Документальные хроники). Владимир, 1999. 112 с.
26. У святых мощей // Призыв. 1924. 3 марта. С. 3.
27. Что постановил Владимирский епархиальный съезд духовенства и мирян 27 марта 1923 года. Владимир: Изд-во Владимирского Епархиального Управления, 1923. 16 с.
28. Шлессонский Г.Б. Опыт антирелигиозной пропаганды Владимиро–Суздальского историко–художественного и архитектурного музея–заповедника. Москва, 1961. 43 с.